

Marina V. Golomidova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Toponymic Policy in Naming City Facilities: Theoretical and Applied Issues

Voprosy onomastiki, 2018, Volume 15, Issue 3, pp. 36–61

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028

Language of the article: Russian

Голомидова Марина Васильевна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы

Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 36–61

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028

Язык статьи: русский

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028
УДК 81'373.21 + 81'1 + 81'33

М. В. Голомидова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ НОМИНАЦИИ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ*

Статья посвящена вопросам топонимической политики в отношении внутригородских пространственных объектов. В настоящее время феномен топонимической политики находится в центре внимания многочисленных гуманитарных исследований. Однако само понятие «топонимическая политика» в его теоретическом и методологическом обосновании до сих пор не получило развернутой интерпретации. Отсутствуют научные обобщения методик и алгоритмов разработки топонимической политики на локальном уровне. Недостает широких сопоставительно-критических исследований региональных практик. В статье сделана попытка комплексного описания понятия «топонимическая политика». Автор приходит к заключению, что топонимическая политика является сложной по структуре деятельностью, которая обладает своими специфическими целями, производными от пространственно-координационной функции топонимов, своей организационно-управленческой стороной, правилами реализации и практическим воплощением. Рассматриваемая в статическом аспекте, топонимическая политика представляет собой совокупность правовых, организационных, научных, методических, информационно-коммуникационных компонентов, которые обеспечивают регламент присвоения топонимов, а также нормы их употребления в сфере деловой коммуникации. В динамическом аспекте топонимическая политика есть сама практика присвоения официальных топонимов пространственным объектам, которая осуществляется уполномоченными субъектами права. Топонимическая политика обладает гуманистическим, социокультурным содержанием,

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 118-012-00586 «Урбанонимы как часть языкового ландшафта города: традиции и перспективы рационального развития».

которое связывает ее с иными видами «политик» — языковой, национально-этнической, культурной, идеологической и т. д. В статье раскрывается роль стратегического управления муниципальной топонимической политикой, рассматриваются принципы информационной достаточности и открытости в ее реализации. Приводятся примеры типовых коллизий в современной практике присвоения официальных названий городским объектам.

Ключевые слова: топоним, урбаноним, топонимическая политика, урбанонимическая политика, органы местного самоуправления, топонимическая комиссия, нормативно-правовые основы топонимической политики, принципы реализации муниципальной топонимической политики.

1. Введение

Присвоение собственных имен внутригородским пространственным объектам в настоящее время представляет предмет активного интереса как для широкой общественности, так и для научного сообщества. Социальная значимость городских топонимов (урбанонимов) для разных аспектов городской коммуникации, их включенность в деловую практику и одновременно в трансляцию множественных смыслов национальной и региональной духовной культуры, способность урбанонимов работать на образ территории и на эмоциональное восприятие места — все эти знаковые свойства обуславливают непреходящую актуальность урбанонимических исследований. На этом фоне острую потребность в научном обсуждении вызывают проблемы топонимической политики — деятельности уполномоченных органов власти и местного самоуправления по называнию и переименованию городских объектов.

Меняющиеся запросы городской коммуникации и городской культуры, потребность городов как хозяйствующих субъектов в своем успешном позиционировании, согласованность действий власти в части урбанонимической номинации с планомерной и системной работой по развитию городских территорий, наконец, обеспечение топонимического означивания надежными нормативно-правовыми основаниями — вот далеко не полный перечень проблем, с которыми сталкивается современная топонимическая политика в отношении объектов городского пространства.

Феномен топонимической политики оказывается на пересечении ряда научных и научно-практических областей: в равной степени в нем проявляют себя организационно-управленческие, правовые, социокультурные и лингвистические аспекты. Между тем само понятие «топонимическая политика» пока не получило теоретического и методологического обоснования; отсутствуют научные обобщения методик и алгоритмов разработки урбанонимической политики, недостает широких сопоставительно-критических исследований региональных практик.

В данной статье мы представляем обзор существующих подходов к фактам топонимической политики в новейших гуманитарных исследованиях, которые так или иначе связаны с социологией языка и социолингвистикой, а также

предлагаем комплексную характеристику понятия «топонимическая политика» и его разновидности — политики урбанонимической. Определение содержания и деятельностных параметров указанных понятий, в свою очередь, выдвигает текущие исследовательские задачи. К ним относится объяснение принципов реализации муниципальной топонимической политики в контексте современной коммуникации и общественных запросов на диалог социальных акторов.

2. Топонимическая политика в зеркале междисциплинарных исследований

Вопросы топонимической политики составляют один из трендов современных гуманитарных исследований, направленных на осмысление многочисленных связей человека и места, человека и ландшафта, на понимание процессов и результатов освоения и преобразования человеком геопространства. Как таковой, сам термин *топонимическая политика* не сопровождается дефинициями и не подвергается теоретическому анализу, но включается в объяснение социальных явлений, связанных с топонимическим означиванием и с рецепцией топонимов общественным сознанием. Топонимы выступают здесь общим объектом и обсуждаемым знаковым материалом, который, подобно магниту, притягивает к себе внимание представителей многих гуманитарных наук, работающих в рамках междисциплинарных научных направлений.

Активный интерес к топонимам и топонимической политике демонстрируют в конце XX — начале XXI в. гуманитарная география, политология, социология, история, социальная культурология, ономастика. При этом общими методологическими векторами становятся расширение традиционных границ предметно-научных областей и стремление к интеграции и преобразованию заимствуемого научного инструментария для получения приращенного знания.

Мы выбираем для характеристики научных трудов, затрагивающих тему топонимической политики, последовательность, основанную на логическом разделении работ по социологии языка и исследований социолингвистического характера¹.

¹ В различении социологии языка и социолингвистики мы идем вслед за В. И. Беликовым и Л. П. Крысиным, предложившими следующее разграничение: «Под социологией языка понимается междисциплинарная, промежуточная область исследования, сочетающая социологические цели и методы исследования с лингвистическим материалом. Социолингвистика — это область языкознания, и она изучает языковые явления с привлечением социальных факторов (обуславливающих развитие и функционирование этих явлений). <...> Развивая этот взгляд, можно сказать, что социолингвистика изучает языковые отношения и процессы, привлекая для их интерпретации социальные факторы, а социология языка изучает социальные отношения и процессы, обращая внимание на языковые явления, которые находят отражение в этих отношениях и процессах» [Беликов, Крысин, 2016, 195].

Обратимся в первую очередь к работам по социологии языка. В них феномен топонимической политики оценивается в контексте изучения актуальных социальных явлений и социокультурных смыслов, эксплицируемых в топонимии.

В гуманитарной географии (предметная область которой пересекается с «культурной географией», «географией человека», «социокультурной географией», «общественной географией», «гуманистической географией») центральным понятием является геокультурное пространство — своеобразная пространственно-знаковая система, доминантными элементами которой выступают топонимы. Они расцениваются не только в качестве носителей географической информации в ее пространственно-временных параметрах, но и как носители созданных культурой образов и символов [Замятин, 2003; 2010; Корнев, 2014]. Реалии топонимической политики здесь трактуются сквозь призму семиотики культуры, при этом за топонимами признается семиотическая способность объединять восприятие физического и символического пространства, обеспечивая таким образом взгляд на прошлое и настоящее названного «места» [Fuchs, 2015, 11]. Топонимическая политика в аспекте трансляции культурного опыта рассматривается как культурно-символьная деятельность по передаче ценностных смыслов и сохранению историко-культурного наследия [см.: Букин, Букина, 2009; Демьянов, Рыженко, 2016].

Критическая гуманитарная география и критическая топонимика как ее частное направление, сформировавшееся в западном англоязычном сегменте современной географии, часто обращаются к оценочному осмыслению социально-политической роли топонимов и, соответственно, к политическому подтексту топонимического названия [см.: Alderman, Inwood, 2013; Drozdowski, 2014; Light, 2004; Peake, Sheppard, 2014; и др.]. Ключевое слово *политика* в значении «политическая сфера общественной жизни» определяет тематическое своеобразие критико-топонимических работ. Топонимическая политика в них представляется, прежде всего, как дискурс власти, манифестируемый в актах топонимического наречения и/или переименования в духе текущей политической конъюнктуры. Отмечается, что наиболее очевидно это демонстрируют периоды смены политических режимов, когда происходит смена политического ландшафта. Например, присваивая право наделять пространственные объекты коммеморативными именами, власть, по мнению израильского географа Азарьяху, берет на себя функцию переписывания истории, внедряя выгодные на текущий момент приоритеты [Azaryahu, 1990, 52]. Коммеморативные имена улиц закрепляют официально одобренную версию истории в городском пространстве и через свой семиотический потенциал вводят идеологические основы правящего социально-политического порядка в сферы социальной коммуникации [Azaryahu, 2009, 465].

Стартовый этап западной критической географии связывают именно с идеями М. Азарьяху, сформулированными в 1990-е гг. при исследовании переименований

разных периодов в Германии, СССР, Израиле [Azaryahu, 1990; 1997]². В русле этого направления — условно назовем его политической топонимикой — продолжают не только географические, но и некоторые исторические, политологические и собственно лингвистические исследования конца XX — начала XXI в. Вопросы топонимической политики сосредотачиваются в них в основном вокруг проблем переименования по политическим мотивам либо номинации как манифестации неких политических идей или политических посылов. Наиболее обсуждаемая проблематика — это замена топонимов на постсоветском пространстве в странах Центральной и Восточной Европы, а также в странах постколониальных режимов Африки [см.: Creţan, Matthews, 2016; David, 2013; Drozdowski, 2014; Light, 2004; Murray, 2000, 32–46; Neethling, 2016; Odaloš, 1995; 1996; Rose-Redwood, 2011; Vuolteenaho, Ainiala, 2009].

В целом сделать жесткое разграничение проблемно-тематических линий в критических работах о топонимах, написанных в русле социологии языка, едва ли возможно. Усилия представителей гуманитарной географии, социальной философии и культурологии, политологии и социологии концентрируются на одних и тех же точках приложения — знаковой социально-политической и историко-культурной нагрузке топонимов. И то и другое оценивается с позиций положительного или отрицательного влияния на общественное сознание, на формируемый образ локации в его политических коннотациях либо этнокультурной специфике. Соответственно, политика топонимической номинации представляется как «способ топонимического производства пространства в культурных или политических ландшафтах» [Басик, 2018а, 56].

И российская гуманитарная география (термин, укоренившийся в отечественном тезаурусе), и западная гуманитарная критическая география (термин англоязычных научных работ), нередко совпадая в полипарадигмальной методологии и в частных темах исследований, стараются расширить горизонт своих изысканий и в равной степени демонстрируют экспансию в другие предметные области. Например, предпринимаются попытки через топонимический материал и номинативную политику обратиться к вопросам маркетинга территорий и обсудить образ территории в коннотациях, работающих на ее восприятие в аспекте туристического маркетинга [Medway, Warnaby, 2014; Mühlhäusler, Nash, 2016].

²Примечательно, что в отечественной науке объяснение символической роли топонимов в манифестации приоритетов правящей власти и развертывании социально-политических мифов было сделано значительно раньше — в семиотических работах Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского применительно к эпохе Петра I, о которой авторы пишут как о времени генерального переименования: «Сотворение “новой” и “золотой” России мыслилось как генеральное переименование — “полная смена имен: смена названия государства, перенесение столицы и дача ей иноземного названия и т. д.”» [Успенский, Лотман, 1996, 285]. Установившуюся после Петра практику переименования авторы также связывают с перекодированием в поддержку актуальной социально-политической мифологии, в ходе которого «смена названия мыслилась как уничтожение старой вещи и рождение на ее месте новой, более удовлетворяющей требованиям инициатора этого акта» [Там же, 287].

Из отечественных работ репрезентативна в этом отношении статья О. А. Полюшкевич «Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска)». В работе одновременно затрагиваются вопросы переименования по политическим мотивам и задачи топонимической номинации, которая призвана мобилизовать образ Иркутска в целях повышения его туристической привлекательности [Полюшкевич, 2017].

Исключительно важный ракурс оценки топонимической политики намечен в работах, посвященных процессам наименования и переименования на территориях с полиэтничным населением и сосуществованием двух и более языков. Здесь тема топонимической политики корреспондирует с более масштабной категорией языковой политики и более широким полем деятельности, осуществляемой на государственном либо региональном уровне [Teusch, 2016]. В российских политологических исследованиях особую остроту эта проблематика получает в отношении территорий бывших республик СССР, ныне самостоятельных национальных государств, где языковая, а вслед за ней и топонимическая, политика может приобретать нетолерантный характер в отношении топонимов, сформировавшихся на языке / языках нетитульных наций [см.: Алейников, 2014].

На феномен топонимической политики выходят исследования, выполненные в логике развития современной ономастики, которая уже давно заявила курс на углубление социолингвистической и лингвокультурологической проблематики. Так, двигаясь в сторону сближения с социологией языка, ономастика делает попытки осмыслить топонимическую политику в связи с трансляцией этнокультурной и локальной идентичности. Появляются работы, где выбор официальных форм городских топонимов в ситуации смешанного, полиэтничного состава населения оценивается в качестве лексической манифестации этнокультурной ситуации, с одной стороны, и как отражение установок власти, в чьем ведении находится политика и практика наименования и переименования городских объектов, с другой [Felesan, 2015; Галактионова, 2016; Коньратбаева, Тусупбекова, 2016].

Показательный в этом отношении кейсовый материал содержит работа Н. А. Галактионовой по обзору топонимических практик в Тюмени и Набережных Челнах — городах, где проживает этнически смешанное население. Сопоставив номинативные решения, принятые на локальном уровне, автор приходит к выводу о том, что в топонимической политике Тюмени выбор урбанонимов свидетельствует о реализации варианта «русского» города, встроенного в общероссийскую культуру вне какой-либо частной этнической определенности. В Набережных Челнах прослеживается политика этнокультурного закрепления территории. «Если для Тюмени важно взаимодействие с “материнской”, или общенациональной, культурой, то для Набережных Челнов — со столицей республики Казанью» [Галактионова, 2016, 160].

Новые лингвокультурологические ономастические исследования также затрагивают вопросы топонимической политики [Забелин, 2007; Сизова, 2004].

В обширном монографическом исследовании Е. А. Сизовой, посвященном лингвокультурологическому анализу английской, русской и французской урбанонимии, отдельная глава отведена сопоставлению политики переименования в Лондоне, Москве и Париже [Сизова, 2004]. Автор рассматривает особенности проявления традиции в переименовании и выявляет преемственность собственно языковых моделей в области урбанонимической номинации: «Среди внедряемых новых названий можно найти аналогию всем старым типам, что говорит о большой стабильности топонимических типов и номинационных процессов в соответствующих языках и об общей сформированности урбанонимических систем: несмотря на изменение составных частей, общие законы остаются прежними. Даже названия, данные для того, чтобы отмежеваться от старого, повторяют как по форме, так и по мотивированности уже существующие типы. Это осуществляет преемственность новых типов, способствует их новой систематизации и выработке топонимической системы с иным соотношением компонентов по сравнению с системой первичных наименований» [Там же, 13].

Сопоставляя факты императивных, насильственных переименований по политическим мотивам, исследователь приходит к резюмирующему социополитическому суждению: «Как показала история переименований внутригородских объектов Лондона, Москвы и Парижа, насильственная замена названий всегда свидетельствовала о политической незрелости общества» [Сизова, 2004, 14].

Результаты исследования Е. А. Сизовой в части сходства и отличительных особенностей урбанонимической номинации в разных языковых культурах дают, на наш взгляд, хорошую почву не только для выведения частнокультурной специфики политики переименования, но и для дальнейшей проработки в отечественной практике взвешенного и сбалансированного подхода к коррекции топонимического материала.

Обзор позволяет увидеть, что значительная часть публикаций, так или иначе затрагивающих тему топонимической политики, решается на материале городских топонимов, или урбанонимов. В таком аспекте, применительно именно к таким именам собственным топонимическая политика может рассматриваться как урбанонимическая политика, с тем лишь уточнением, что первое и второе определения в одних случаях используются как синонимы, а в других — если речь идет о реализации государственной языковой политики — как понятия, вступающие в родовидовые отношения.

Почему именно урбанонимы выводятся на первый план научного осмысления? Прежде всего, нельзя не упомянуть о нарастающем интересе к урбанонимам и урбанонимической номинации в целом. Красноречивый пример тому — активное обсуждение урбанонимического материала на международных ономастических конференциях 2017–2018 гг.: «XXVI International Congress of Onomastic Sciences» (2017, Debrecen, Hungary), «The 4th International Conference on Onomastics: Name and Naming» (2017, Baia Mare, Romania), «The 2nd Ostrava Onomastic Meeting Event»

(2018, Ostrava, Czech Republic). На последней конференции, в Остраве, городская топонимия стала предметом обсуждения в более чем половине докладов.

Во-вторых, официальные урбанонимы обладают высокой степенью вовлеченности в массовую коммуникацию (публицистическую, художественную, просветительскую и т. д.) и коммуникацию деловую (административную, правовую, хозяйственную), и уже это обстоятельство сообщает им свойство языкового материала, попадающего в зону риска при радикальных изменениях внешней среды. Урбанонимы в числе первых подвергаются ревизии и преобразованиям под влиянием внешних установлений, например, государственной языковой или культурной политики.

В-третьих, урбанонимический «мейнстрим» во многом инспирирован бурными номинативными преобразованиями, которыми сопровождались социальные процессы конца XX — начала XXI в. Изменения в политическом ландшафте Восточной и Центральной Европы, Средней Азии, Кавказа, Африки, Латинской Америки; демократизация социальной жизни в ряде стран, изменивших вектор своего политического развития; вхождение стран в новые политические и экономические союзы, сложное сопряжение процессов глобализации и стремления к национальной, этнической самобытности; переформатирование языковых ситуаций в связи с изменением статусов сосуществующих языков и рост конфликтности в ряде многоязычных ситуаций — эта геополитическая тектоника породила общественный запрос на урбанонимическую перестройку, практические номинативные действия и, соответственно, экспертное обсуждение урбанонимической и — шире — топонимической политики.

Говоря об урбанонимах как объекте междисциплинарного изучения, необходимо отметить и большую доступность этого языкового материала для сбора и наблюдений в сравнении, например, с народной топонимией или микротопонимией, бытующими в диалектах. Достаточно легко инспектируется и анализируется контент «околотопонимического» дискурса в публичной сфере — в традиционных СМИ и нью-медиа, в многочисленных жанрах интернет-коммуникации. Таким образом, открытость материала и вовлеченность его в многочисленные формы социальной городской коммуникации делают урбанонимы привлекательным предметом научных рассуждений.

Подводя итоги нашего обзора, нельзя не признать, что выход на вопросы топонимического / урбанонимического означивания в межпредметных гуманитарных исследованиях способствует наращиванию представлений о «власти» символических знаков над общественным сознанием и об инструментальной функции топонимов в формировании и поддержании социально-политического, культурного и этнокультурного менталитета.

В то же время феномен топонимической политики и урбанонимической политики как ее разновидности в теоретическом плане на сегодняшний день еще не получил целостного освещения. Отсутствуют специальные исследования,

раскрывающие его теоретико-методологические основы, алгоритмы системной разработки и оценочные методики его реализации. Ускользают от научного внимания и уходят в тень вопросы, возможно, более приземленного, но не менее актуального характера, — они связаны с анализом и коррекцией существующих организационных оснований, используемых в практике топонимической номинации. Укажем лишь некоторые из них:

- достаточно ли последовательно и глубоко проработана нормативная сторона урбанонимической политики;
- насколько урбанонимическая политика коррелирует с другими видами «политик», которые реализуются при развитии территорий;
- насколько существующие регламенты присвоения названий отвечают современным установкам на развитие конструктивного диалога власти и общества;
- насколько отработан механизм креативной части урбанонимической номинации.

Поскольку круг вопросов достаточно широк и все они не могут быть раскрыты в формате одной статьи, мы остановимся далее на характеристике самого понятия «топонимическая политика», не получившего специального структурированного описания.

3. Топонимическая / урбанонимическая политика: понятие, структура, нормативные основы и принципы реализации

В трактовке явления топонимической политики мы предлагаем исходить из содержания самой деятельности (официальное присвоение именных обозначений пространственным объектам) и понимания слова *политика* в его широком значении, связанном со стратегическим управлением, — ‘общее руководство для действий и принятия решений, которое облегчает достижение целей’ [см.: Мескон, Альберт, Хедоури, 2016].

Такой подход к интерпретации топонимической политики позволяет на начальном этапе вывести ее из смыслового поля других «политик» и сосредоточиться на объяснении, которое связано прежде всего с главной функцией топонимов — функцией «адресной», или, точнее, «координатной».

Итак, рассматриваемая как вид «руководящей», управленческой деятельности, топонимическая политика имеет свои функциональные цели и задачи. Главная из них заключается в том, чтобы обеспечить деловую, хозяйственную жизнь общества в масштабах страны, региона или населенного пункта знаками, которые маркируют объекты, выделенные в природном и/или искусственном (созданном либо преобразованном человеком) ландшафте. Именно исходя из основной, «координатной» семиотической нагрузки топонима, правомерно говорить о том, что основная цель топонимической политики заключается в обеспечении

потребностей социума в достаточном количестве топонимов, необходимых для навигации в пространстве при осуществлении любых видов полезной социальной деятельности. В этом смысле, перефразируя известное высказывание, можно сказать, что топонимическая политика — это одно из отражений экономики.

Поскольку управление сложными социально-хозяйственными системами есть функция власти, топонимическая политика относится к зоне ответственности государственной власти, в чье ведение входят организация и регулирование общественной жизнедеятельности людей (в целях ее упорядочивания, сохранения, преобразования), следовательно, управление топонимической политикой не может осуществляться вне правового поля, установленного законодательством. Таким образом, еще одна характеристика топонимической политики представляет ее как вид легитимной, институализированной деятельности, которая выполняется уполномоченными субъектами права.

В Российской Федерации основа для осуществления топонимической политики заложена в федеральном законодательстве. Базовым документом выступает Закон от 17.10.1997 г. № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов», который, в свою очередь, дополнен рядом указов и постановлений. Закон определяет общие правила в отношении процедур присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов, а также содержит установления в части нормализации, употребления, регистрации и учета топонимов.

Топонимическая политика имеет дело с так называемыми официальными топонимами — именами, которые предназначены в первую очередь для использования в сфере деловой коммуникации. Такие топонимы, вне зависимости от того, были ли они созданы в ситуации именования нового объекта или выбраны из набора некоторых вариантов, бытующих в употреблении, для закрепления в качестве основных, фиксируются в текстах предписательного характера. На первом этапе это тексты административных документов (указов, постановлений). Их дополняют тексты нормативные, нормативно-справочные, нормативно-технические, к которым относятся реестры, классификаторы, карты, атласы, справочники, словари, адресные книги и т. д.

В материальный, окружающий человека физический ландшафт официальные топонимы также вносятся в письменных формах, но через малые текстовые жанры — указатели, вывески, адресные таблички. В правилах их составления, оформления и применения в равной степени способна проявлять себя топонимическая политика. Здесь от ее последовательности или, напротив, неупорядоченности и небрежности будут зависеть качества коммуникативной среды для пространственной ориентации — наличие или отсутствие барьеров в ее «прочтении» и однозначном понимании. В городской среде это отчетливо демонстрируют ситуации с достаточным или, напротив, недостаточным для навигации количеством уличных табличек, с унифицированным либо спонтанным переводом урбанонимов на иностранный язык и т. п.

Тесная связь топонимической политики с нормативной стороной употребления топонимов позволяет характеризовать ее как деятельность кодифицирующую — упорядочивающую и систематизирующую. И поскольку она направлена на системное продуцирование новых топонимов либо коррекцию уже существующих на основе сформулированных подходов, правил и регламентов, неотъемлемыми содержательными процессами являются стандартизация и унификация топонимических обозначений, а также выработка и уточнение норм оформления, перевода на другие языки, унификация и стандартизация названий.

Суммируя приведенные характеристики, можно сказать, что топонимическая политика представляет собой сложную по структуре деятельность, обладающую своей организационно-целевой стороной, правилами реализации и практическим воплощением.

Рассматриваемая в статическом аспекте, топонимическая политика есть совокупность правовых, организационных, научных, методических, информационно-коммуникационных компонентов, которые обеспечивают регламенты присвоения топонимов, а также нормы их употребления в сфере социальной деловой коммуникации.

В аспекте динамическом топонимическая политика — это сама практика присвоения официальных топонимов пространственным объектам, которая осуществляется уполномоченными субъектами права. В такой трактовке любой акт официального присвоения топонима любому географическому объекту (будь то объекты, устанавливаемые при картировании дна Мирового океана, или территория, выделенная под строительство микрорайона) является реализацией топонимической политики.

Однако поскольку результаты топонимической политики напрямую выходят в сферу широкой общественной жизни, не менее значимой для топонимической политики оказывается ее связь с другими видами «политик» — языковой, национально-этнической, культурной, идеологической и т. д. Это актуальная гуманистическая, социокультурная часть управленческой работы по топонимическому означиванию. От ее реализации зависит то, что подводится под понятия духовной культуры, культурного наследия, национально-этнической, региональной и/или локальной идентичности. В связи с этим весьма показательно, что в текст Федерального закона «О наименованиях географических объектов» уже введено общее программное положение не только об учете, но и о «сохранении наименований географических объектов как составной части исторического и культурного наследия народов Российской Федерации»³.

Законы РФ распределяют зоны ответственности в присвоении географических названий. Урбанонимы — топонимы, маркирующие объекты, которые находятся

³ Федеральный закон от 17.10.1997 г. № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» [<http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-18121997-n-152-fz-o/>].

в собственности муниципалитетов, муниципальных объединений, городских округов и т. д., — относятся к сфере полномочий органов местного самоуправления, поэтому соответствующая политика топонимического означивания в аспекте управленческой деятельности подразумевает «право и реальную способность муниципалитетов регламентировать публичные, социально значимые дела и управлять муниципальной собственностью, в том числе землей и природными ресурсами, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения»⁴.

Урбанонимическая политика как разновидность политики топонимической представляет собой нормативно-правовую руководящую и управленческую основу, определенный механизм ее осуществления и собственно практические действия.

Основными законодательными документами для осуществления топонимической (урбанонимической) политики являются следующие: Федеральный закон от 17.10.1997 г. № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов»; Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 443-ФЗ «О федеральной информационной адресной системе и о внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”»; Постановление Правительства РФ от 19.11.2014 г. № 1221 «Об утверждении Правил присвоения, изменения и аннулирования адресов»; уставы муниципалитетов (муниципальных образований, городских округов и под.); локальные нормативные акты о порядке присвоения названий топонимическим объектам на территории, находящейся в ведении органов местного самоуправления.

В реализации региональной топонимической политики важная роль принадлежит институализированным экспертным сообществам — топонимическим комиссиям или топонимическим комитетам, которые создаются при местных органах самоуправления. Именно они коллегиально выполняют функции консультирования власти и вынесения рекомендаций по присвоению топонимов либо переименованию и по сути должны являться теми посредническими инстанциями, которые обеспечивают взаимодействие власти и заинтересованных групп городской общественности.

С одной стороны, на топонимические комиссии возлагается ответственность за выработку и реализацию топонимической политики с учетом ее перспективных целей. С другой стороны, топонимические комиссии призваны выполнять функции того фильтра, который в номинативной деятельности позволяет предотвратить перекосы в пользу отдельных социальных акторов — чиновников, представителей бизнеса, субъектов актуальных политических действий, активистов

⁴ Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/7788f25_e6cbc0264e98c5da341a022872b5dca50/].

от гражданского населения — в пользу интересов самого города в создании, поддержании и рациональном развитии урбанонимического ландшафта.

Широкий спектр задач обуславливает необходимость определения общего подхода и принципов, на основании которых целесообразно проводить практическую деятельность по топонимическому означиванию. Каждый орган муниципального самоуправления в этом направлении проявляет свободу в принятии собственных решений. Однако не стоит упускать из виду, что для построения эффективной муниципальной топонимической политики необходима не только глубокая проработка процедурных регламентов и некоторых правил присвоения названий, но и определение базовых содержательных оснований для топонимической номинации. Исключительно важной представляется в связи с этим корреляция топонимической политики с целой группой процессов, относящихся к управлению и развитию территории, — с общей стратегией развития города и стратегией пространственного его развития, с политикой в области социальной и культурной жизни. Таким образом, в контексте стратегического управления в первую очередь возникает вопрос о разработке концептуальной основы топонимической политики в виде долговременных программ, способных обеспечивать системную, последовательную и рассчитанную на перспективу работу. Неотъемлемым компонентом таких программ должны быть ясно сформулированные цели, задачи и ценностные ориентиры топонимической политики, в опоре на которые будут определяться приоритетные направления и механизмы ее реализации.

Поскольку каждый муниципалитет создает в этом случае свои программные документы (законы, программы, положения, концепции)⁵, содержание базовых установлений может различаться. В связи с этим сравним тексты Закона «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы» (далее ЗМ) и Положения «О порядке присвоения наименований топонимическим объектам и изменения наименований топонимических объектов муниципального образования “город Екатеринбург”»⁶ (далее ПЕ) и рассмотрим информацию, относящуюся к содержанию собственно номинативной работы.

⁵ См., например: Закон г. Москвы «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы» от 08.10.1997 г. № 40-70 (ред. от 22.11.2017 г.) [<https://moskva-pravo.ru/zakon/o-naimenovanii-ter-edinic-ulic-stancij-metropolitena/>]; Петербургская топонимическая программа [<https://spbculture.ru/ru/toponyms/toponimicheskaya-komissiya/programma/>]; Положение «О порядке наименования, переименования и упразднения названий топонимических объектов города Владимира» [<http://base.garant.ru/19333815/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>]; Концепция по присвоению наименований объектам топонимии и установке объектов искусства на территории города Перми [www.echorepm.ru/upload/documents/2014/11/15/Projekt_Koncepcii_po_toponimii.Jck7By.pdf]; и др.

⁶ Закон г. Москвы «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы» от 08.10.1997 г. № 40-70 (ред. от 22.11.2017 г.) [<https://moskva-pravo.ru/zakon/o-naimenovanii-ter-edinic-ulic-stancij-metropolitena/>]; Положение «О порядке присвоения наименований топонимическим объектам и изменения наименований топонимических объектов муниципального образования “город Екатеринбург”» [<http://base.garant.ru/46721210/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>].

Если в ЗМ манифестирована установка на единство городской политики в области наименования территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы (статья 5), то в программном документе администрации города Екатеринбурга оно отсутствует.

В информационном блоке «Требования к присваиваемым названиям» прописываются общие установления относительно содержательных подходов к номинации и оформлению названий. Сходными для обоих документов являются формулировки критериев соответствия присваиваемых названий «словообразовательным, произносительным, стилистическим нормам современного русского литературного языка». В равной мере в текстах уделяется внимание степени различия названий, в частности подчеркивается, что топонимы не должны повторяться и/или быть идентичными до степени смешения.

Далее в текстах обоих документов наблюдается специфицированное содержание. Характерной особенностью ЗМ является выделение установок, которые связывают топонимическую политику с политикой в области сохранения историко-культурного наследия:

- название улицы независимо от величины именуемого объекта должно отражать факты историко-культурного развития района, поселения, города, государства;
- топонимы должны соответствовать особенностям ландшафта города. При их наименовании в качестве основы используются названия населенных пунктов (в том числе деревень, сел, старинных слобод), урочищ, холмов и лесов, рек, ручьев, озер и прудов, вошедших в границу города Москвы (статья 9).

Помимо того, в ЗМ декларируется связь топонимической (урбанонимической) политики с принципиальными установками, значимыми именно для топонимических, «координационных» обозначений. Подчеркивается, что при осуществлении топонимической политики необходимо учитывать общие закономерности топонимического названия и специфику исторически сформированной топонимической системы города Москвы:

- топонимы должны отражать наиболее существенные индивидуальные характеристики улицы как объекта наименования;
- название улицы должно органически включаться в существующую городскую топонимическую систему. При именовании новых улиц не допускается образование топонимов, нарушающих исторически сложившуюся топонимическую систему города Москвы;
- название улицы должно быть мотивированным и заключать в себе необходимый объем топонимической и пространственно-ориентированной информации;
- наименование района, поселения и административного округа города Москвы должно соответствовать историческим, географическим и градостроительным особенностям территориальной единицы города Москвы.

Еще одно существенное положение ЗМ — правила присвоения коммеморативных названий. Они прописаны ясно и непротиворечиво: «Присвоение имен,

фамилий известных жителей города Москвы, граждан Российской Федерации и иностранных граждан может производиться только новым улицам и по истечении десяти лет (выделено нами. — М. Г.) со дня смерти указанных лиц, за исключением случаев, когда такое присвоение рекомендовано Президентом Российской Федерации и (или) Мэром Москвы» (статья 9).

В ПЕ также намечена связь основ топонимической политики с социокультурным аспектом жизни города, его историческим прошлым и сложившимся историко-культурным наследием. В документе, в частности, говорится о том, что присвоение названий «производится с учетом исторических и культурных традиций муниципального образования “город Екатеринбург”».

Однако из формулировки не ясно, какие именно традиции «муниципального образования» должны быть выявлены для того, чтобы можно было им следовать в номинативной деятельности.

В ПЕ сделана попытка уточнить требования к информационной стороне топонимической номинации: «Присвоение названий производится с учетом функционального назначения, месторасположения, основных топонимических ориентиров и наименований других топонимических объектов муниципального образования “город Екатеринбург”». Можно было бы предполагать за этой формулировкой некую установку на необходимость учитывать в номинативных действиях градостроительные особенности фрагмента территории, к которой относится называемый объект, статус объекта, его ландшафтное и топонимическое окружение. Однако это только одна из версий в расшифровке предложения, которое допускает отнюдь не единственную трактовку.

В отдельном пункте ПЕ содержит формулировки целей присвоения названий топонимическим объектам. «Присвоение названий топонимическим объектам осуществляется в следующих целях: 1) ознаменование исторических событий; 2) увековечивание памяти выдающихся государственных и общественно-политических деятелей, защитников Родины, деятелей науки и культуры, благотворителей, лиц, имеющих заслуги перед отечеством и муниципальным образованием; 3) отражение географических, национальных, бытовых, природных и других особенностей проживания населения на территории муниципального образования “город Екатеринбург”».

Если следовать такой логике целей, то оказывается, что присвоение топонимов осуществляется не как удовлетворение общественных потребностей в топонимических обозначениях для объектов городской территории, а в первую очередь для номинативной «артикуляции» и символического закрепления в топонимах неких «меседжей», выраженных словами «ознаменование», «увековечивание», «отражение особенностей проживания населения». В такой трактовке урбанонимическую номинацию легко приравнять к средствам PR в дискурсе власти, но сложно соотносить с рациональной и комплексной урбанонимической политикой, поскольку не выставлены ее объективные цели.

Подводя промежуточный итог, можно заключить, что в ЗМ явно просматриваются черты концептуальных основ именно топонимической политики, поскольку намечены основные подходы к урбанонимической номинации в связи с закономерностями и ценностями топонимического наречения. В тексте ПЕ концептуальная основа для муниципальной топонимической политики пока представлена слабо. Ее заменяет сумма некоторых установлений, которые на сегодняшний день не вполне согласованы с назначением топонимической номинации. Недостаточно внятно также представлено виденье урбанонимической номинации в связи с историко-культурным наследием самого города, региона, страны. Не выражено отношение к топонимическому означиванию в связи с перспективами развития Екатеринбурга и преобразованием его в открытый город, включенный в международные связи.

На наш взгляд, именно отсутствие методологического основания для понятия «топонимическая политика», равно как дефицит методик ее разработки, приводит к недостаточному пониманию целей политики в области урбанонимии и к трактовке ее содержательных моментов. На сегодняшний день можно лишь констатировать разрыв между запросом на повышение последовательности и эффективности муниципальной урбанонимической политики и неупорядоченным, фрагментарным характером в части технологий ее создания. Последствия такого разрыва, к сожалению, нередко выходят в практику, где номинация проводится в формате оперативных решений, но целостная картина формируемого урбанонимического ландшафта упускается из виду.

В контексте современной жизни города реализация муниципальной топонимической политики связана еще с одним блоком вопросов. Эти вопросы касаются принципов трансляции сведений о топонимической политике в публичную сферу. Если принимать во внимание курс на обновление социальной жизни, то здесь должны, на наш взгляд, работать как минимум два принципа — принцип открытости и принцип информационной достаточности.

Принцип открытости предполагает выстраивание системы информационного взаимодействия с городской общественностью и отдельными целевыми группами. Пример такого подхода демонстрирует Топонимическая комиссия Санкт-Петербурга. Комиссия, действующая при Комитете по культуре, имеет свой официальный сайт, где размещается актуальная, обширная и полная информация, в том числе Реестр названий, Петербургская топонимическая программа, Порядок и правила присвоения названий, Принципы и правила транслитерации и перевода на английский язык названий объектов городской среды Санкт-Петербурга для размещения на информационных носителях, Регламент работы Санкт-Петербургской топонимической комиссии, протоколы заседаний и др. [https://spbculture.ru/ru/toponyms/toponimi_cheskaya-komissiya/].

Разумеется, само по себе наличие электронной площадки в интернете не отменяет риски по возникновению конфликта «топонимических интересов»

между разными социальными акторами. Однако открытый характер информации от Топонимической комиссии позволяет публично представить не только общую основу для последовательных действий, но и аргументацию по поводу вынесения конкретных решений.

Говоря об информационной достаточности для обеспечения топонимической политики, мы в первую очередь имеем в виду пополнение и расширение фонда методических материалов, которые должны помогать оценке контекста деятельности в совокупности нормативно-правовых, деловых, пространственно-ситуационных и других параметров для выполнения обоснованных и рациональных номинативных действий. Потребность в методических материалах диктуется самой жизнью.

Присвоение названий топографическим объектам в муниципальной собственности в практической деятельности нередко сопряжено с дополнительными правовыми коллизиями. Как правило, проблемные ситуации в реализации топонимической политики возникают при столкновении интересов разных социальных субъектов либо разных правовых сторон деятельности. Приведем лишь некоторые из них.

1. Коллизии при нарушении правил присвоения названий, изложенных в существующих нормативных документах. Один из примеров тому можно увидеть в топонимической практике Казани. В 2015 г. в Казани ул. *Эсперанто* была переименована в ул. *Нурсултана Назарбаева*. Инициатива переименования исходила от казахской диаспоры Татарстана. Топонимическое переозначивание было приурочено к 75-летию президента Назарбаева и мотивировано тем, что на улице расположен республиканский Дом дружбы народов. Предложение было поддержано Топонимической комиссией Казани. Однако смена топонима встретила громкую критическую реакцию со стороны городской общественности. Противники административного решения указывали не только на то, что город лишился уникального названия, связанного с интересным историческим сюжетом и в большей степени отражающего ценности международного общения, но и на то, что переименование было проведено в нарушение действующего положения, согласно которому невозможно присвоение названий в честь живущих людей [Янькова, 2015]. Несмотря на неоднократные протестные петиции, гражданские акции и обращение в суд, решение все-таки не было отменено. Городские власти пошли другим путем и изменили сами правила присвоения коммеморативных названий. В 2016 г. мэр Казани Ильсур Метшин утвердил поправки: если ранее согласно положению можно было присваивать названия в честь выдающихся лиц, с момента смерти которых прошло более десяти лет, то новые правила разрешили называть и переименовывать улицы Казани в честь ныне здравствующих людей, чья деятельность положительно повлияла на развитие города.

Сходный пример, хотя и не связанный с переименованием, можно найти и в истории работы Топонимической комиссии г. Екатеринбурга. В 2013 г. одной из новых улиц Екатеринбурга было присвоено название *бульвар Владимира*

Естехина. Владимир Естехин, владелец строительной фирмы и заслуженный строитель России, погиб в автокатастрофе в декабре 2012 г. Просьба о мемориальном наименовании поступила от гильдии строителей Урала, которые таким образом решили увековечить память коллеги. Прошение было поддержано Топонимической комиссией при администрации города. И хотя новое название не вызвало значительной негативной реакции в публичном пространстве, городские форумы отразили критическое отношение к номинации. См. некоторые реплики: «В любом случае, такое наименование должно пройти через общественные слушания, пусть народ узнает, чем заслужил г-н Естехин такую честь и чем ее не заслуживают другие бизнесмены»; «Давайте уже именами банкиров называть»; «На каком основании непонятно как называют бульвары и улицы в городе?»; «Кто такой? Почему не знаю? Почему не спрашивают простое население???» [<https://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=9&i=6582513&t=6582513&page=1>] — это лишь часть скептических откликов. Поспешное номинативное решение также нарушило действующее положение, в котором присвоение мемориального названия разрешалось по истечении десяти лет со времени смерти человека, чьи особые заслуги город готов отметить таким образом.

2. Коллизии, связанные с расхождениями в правовых нормах для разных сфер деятельности. К таким, например, относятся противоречия между адресным правом жителей садовых и дачных некоммерческих товариществ и нормативными требованиями к дорожно-транспортной инфраструктуре, благоустройству, ведению ЖКХ и пр. Недостаточное урегулирование правовых норм приводит к тому, что интересы жителей, которые решают вопросы своей прописки и, соответственно, настаивают на том, чтобы были присвоены названия и статус улиц тем местам, где расположены их частные строения, вступают в конфликт с градостроительными требованиями о надлежащем обустройстве таких участков. По факту далеко не все проезды между домами по своему техническому состоянию соответствуют нормативам для элементов дорожно-транспортной сети или элементов планировочной структуры. Вопрос о том, можно ли удовлетворить требования насельников и присвоить топонимы, а соответственно и признать полноценными улицами промежутки и проезды между несколькими садовыми строениями, остается открытым и часто весьма болезненным как для жителей, так и для топонимических комиссий. За ним, безусловно, просматривается необходимость в разработке дополнительных рекомендаций, регламентов экспертиз и пр.

3. Коллизии из-за конфликта интересов застройщиков и органов муниципального самоуправления. Конфликтные ситуации могут складываться между деловыми интересами застройщиков в присвоении имен объектам долговременного строительства и нормативными положениями муниципальных служб, отвечающих за строительство и содержание уже готовой дорожно-транспортной инфраструктуры.

Паллиативные решения в таких ситуациях могут приводить к своего рода топонимическим казусам.

В 2018 г. в новом, далеком от завершения микрорайоне малоэтажного строительства «Свободный-2» на окраине Екатеринбурга 47 улицам поточным способом были присвоены названия ул. *1-я Баритовая, 2-я Баритовая, 3-я Баритовая* и т. д. до конца списка. Правовым основанием для принятия вынужденного решения стали настоятельные требования застройщика, обращения жителей (пусть и немногочисленных) и наличие утвержденных проектов планировки и межевания территории. Но 47 однотипных названий, которые различаются только цифровым компонентом, — это своеобразный рекорд! В сочетании с номерным названием самого микрорайона «пронумерованные» названия улиц кажутся воплощением бюрократического списка, «вживленного» в пространственную среду.

С другой стороны, за блочным названием сокрыта и своя логика — прежде всего, это экономия творческих номинативных усилий. Территория только начинает свою историю — здесь нет предшествующего топонимического слоя, который по наследству достается от бывших сел или поселков. Нет и той микротопонимии, которая была бы сформирована жителями ближайших поселений. Новый микрорайон создается по сути с чистого листа. При этом сам застройщик не делает акцента на уникальной имиджевой концепции осваиваемого пространства. Учитывая эти обстоятельства, нельзя не признать, что присвоение максимально стандартизированных названий может способствовать упрощенной навигации в сети участков с частными коттеджами и таунхаусами.

Выход на тему взаимодействия девелоперских компаний и муниципальной власти в практической реализации топонимической номинации позволяет обратиться к еще одному кейсу Екатеринбурга.

Согласно законодательству, право органов муниципального самоуправления на урбанонимическую номинацию распространяется только на объекты, которые находятся в муниципальной собственности. К ним относятся не только традиционные элементы дорожно-транспортной сети и фрагменты территорий, но и такие объекты городской среды, как рынки, объекты капитального строительства учебного, культурного, спортивного, общественного назначения, подлежащие ведению муниципалитетов. На объекты частной, коммерческой собственности правила положений о присвоении урбанонимов не распространяются. Из этого следует, что, например, жилые комплексы любого масштаба, которые возводятся частными девелоперами, получают свои коммерческие имена по желанию самих застройщиков. Как и значительная часть коммерческих урбанонимов, названия жилых комплексов выполняют маркетинговые задачи — они призваны работать на благоприятный имидж объекта, способствовать его продвижению и формированию стоимости. Насколько согласуются названия коммерческой застройки с окружающим топонимическим ландшафтом — разговор открытый. И топоним как символический капитал для девелоперов и инвесторов в каких-то случаях

может представлять собой элемент «символического насилия» для местных жителей, различных общественных активистов и других заинтересованных групп населения [Alderman, 2008, 208].

Вместе с тем «создавая новые стратегии развития в интересах пространственной социально-экономической реструктуризации городского ландшафта, девелоперы и крупные инвесторы используют географические названия для создания тематического урболодшафта» [Басик, 2018б]. Если девелопер заинтересован в создании целостного образа пространства, концепция означивания может распространяться на смежные линейные объекты и фрагменты территории. При интегрированном подходе, в свою очередь, возникает необходимость тесного сотрудничества маркетинговых отделов строительных компаний и топонимической комиссии.

Именно в таком направлении шла работа по созданию названий для улиц жилого микрорайона «Солнечный» в Екатеринбурге. Новый район занимает площадь 362 га и рассчитан на 85 000 жителей. План его застройки — это один из крупнейших для города проектов по пространственному развитию, и он изначально основывался на комплексном подходе к освоению масштабной территории с учетом ее многопрофильного назначения.

В отношении урбанонимов для вводимых в эксплуатацию новых объектов здесь впервые был применен широкоформатный брендинговый подход. Концепция генерального застройщика основывалась на идее построения имиджа не только для отдельных объектов или фрагментов локации, но и для всей территории, которая должна восприниматься как единое и связанное общим образным смыслом пространство. Поскольку район расположен в южной части города, ему было присвоено название «Солнечный». Оно и стало отправной точкой в создании урбанонимов, поддерживающих и развивающих позитивную семантику в символических и образных обозначениях.

В совместной разработке новых урбанонимов представители маркетингового отдела и творческая группа Топонимической комиссии впервые апробировали технологическую цепочку нейминга. Она включала ситуационный анализ контекста номинации, разработку первичных списков названий с мотивировочной аргументацией, его стартовое обсуждение, отбор вариантов для шорт-листа, углубленное экспертное обсуждение, опрос в фокус-группе из жителей нового района, выработку финального перечня наименований. В итоге к утверждению были представлены следующие названия:

- ул. *Лучистая*, *Золотистый* бульвар — урбанонимы ассоциативно поддерживают «солнечную тему», заданную исходным брендируемым именем района;
- ул. *Чемпионов* — «лидерское» название образовано по принципу метонимической связи с расположенными в пределах улицы спортивными объектами — Академией хоккея и плавательным бассейном;
- ул. *Счастливая* — проходит через зону жилой застройки;

▪ ул. *Нескучная* — относится к досуговой зоне, где расположен парк, планируется обустроить велосипедные дорожки, игровые и прогулочные площадки.

Урбанонимы разработанного «портфеля» не нарушают традиций и принципов номинации городских объектов и в то же время удовлетворяют запросы заказчика и жителей. В целом урбанонимический кейс района «Солнечный» любопытен именно тем, что демонстрирует возможный путь для конструктивного сотрудничества стейкхолдеров. Он убеждает, что топонимические комиссии могут быть площадкой для диалога, где бизнес-субъекты, заинтересованные граждане, представители власти и экспертного сообщества могут достигать взаимопонимания и согласовывать свои интересы в реализации локальной топонимической политики.

4. Заключение

Интерес к феномену топонимической политики, который проявляется в многочисленных областях гуманитарного знания, свидетельствует об углублении научного дискурса о социальной роли топонимического означивания в духовной и практической жизни современного общества.

Для развития городской культуры в проблемном поле запросов городской коммуникации и потребностей имиджевого развития городских территорий значительную актуальность приобретают вопросы муниципальной топонимической / урбанонимической политики.

Муниципальную топонимическую политику правомерно относить к рациональной и целенаправленной деятельности, которая осуществляется уполномоченными субъектами права на основе комплекса нормативных, организационных, научных, методических, информационно-коммуникационных компонентов, обеспечивающих регламенты присвоения топонимов, а также нормы их употребления в сфере социальной деловой коммуникации. Поскольку муниципальная топонимическая политика в идеале должна быть ориентирована на долговременную, системную и планомерную номинативную работу, складывается необходимость применения в этой сфере правил стратегического управления. Это означает, что в основу топонимической политики должна быть положена ясная концепция топонимического означивания, скоординированная с политикой в области культурного и социального развития и с общей стратегией развития территории.

Реализация муниципальной топонимической политики в условиях обновления социальной среды требует внедрения принципов открытости и информационной достаточности, что позволяет сократить риски конфликтных ситуаций при взаимодействии власти и общества.

Управление изменениями в урбанонимическом ландшафте города не должно оставаться исключительной прерогативой власти, оно нуждается в обоснованных предложениях со стороны научного экспертного сообщества и заинтересованных

групп общественности. Площадками для конструктивного диалога могут и должны становиться топонимические комиссии.

-
- Алейников М. В.* Ономастические и топонимические изменения в современном Казахстане как проявление политики казахизации // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2 (45). С. 369–372.
- Басик С. Н.* Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Геогр. вестн. 2018а. № 1 (44). С. 56–63.
- Басик С. Н.* Коммодификация топонимии как феномен социально-экономической и культурной географии // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Естественные науки». 2018б. № 2. С. 59–70.
- Беликов И. В., Крысин Л. П.* Социоллингвистика : учебник для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2016.
- Букин А. Г., Букина Н. В.* Культурно-символьная политика Забайкальского края: кодирование смыслов // Вестн. ЧитГУ. 2009. № 5 (56). С. 184.
- Галактионова Н. А.* Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейсы Тюмени и Набережных Челнов) // Регионология. 2016. № 1 (94). С. 152–163.
- Демьянов К. В., Рыженко В. Г.* Омская топонимия в контексте изучения культурного пространства российского города // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 73–80.
- Забелин Н. Ю.* Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы : дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. лингв. ун-т. М., 2007.
- Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб. : Алетей, 2003.
- Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социол. обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–50.
- Коньратбаева Ж. М., Тусупбекова М. Ж.* Тюркская основа процесса топонимизации (на примере урбанонимии Астаны) // Современные проблемы тюркологии: Язык — Литература — Культура : материалы междунар. науч.-практ. конф. / сост. У. М. Бахтикиреева, Н. М. Джусупов, С. В. Дмитриук. М. : Изд-во РУДН, 2016. С. 515–523.
- Корнев И. Н.* География и топонимика в контексте гуманитарного дискурса // Геогр. вестн. 2014. № 1. С. 41–45.
- Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента / пер. с англ. О. И. Медведь. 3-е изд. М. : Вильямс, 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://management-books.biz/teoriya-meneditjmenta_693/politika-17434.html.
- Полюшкевич О. А.* Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимии Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 80–94.
- Сизова Е. А.* Лингвокультурологический анализ урбанонимов: на материале английского, русского и французского языков : дис. ... канд. филол. наук / Пятигор. гос. лингв. ун-т. Пятигорск, 2004.
- Успенский Б. А., Лотман Ю. М.* Миф — имя — культура // Успенский Б. А. Избранные труды : в 2 т. 2-е изд., испр. и перераб. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. М. : Языки рус. культуры, 1996. С. 298–319.
- Янькова Т.* Жители Эсперанто-Назарбаева начали «партизанскую войну» // Вечерняя Казань. 30.06.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evening-kazan.ru/articles/zhiteli-esperanto-nazarbaeva-nachali-partizanskuyu-voynu.html>.
- Alderman D. H.* Place, Naming, and the Interpretation of Cultural Landscapes // Ashgate Research Companion to Heritage and Identity / eds. P. Howard, B. Graham. London : Ashgate Press, 2008. P. 195–213.

- Alderman D. H., Inwood J.* Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King // *Social & Cultural Geography*. 2013. Vol. 14. P. 211–233.
- Azaryahu M.* Renaming the Past: Changes in “City Text” in Germany and Austria, 1945–1947 // *History and Memory*. 1990. Vol. 2. № 2. P. 32–53.
- Azaryahu M.* German reunification and the politics of street names: the case of East Berlin // *Political Geography*. 1997. Vol. 16. № 6. P. 479–493.
- Azaryahu M.* Street Names and Iconography // *International Encyclopedia of Human Geography* / ed. by R. Kitchin. London : Elsevier Ltd., 2009. P. 460–465.
- Crețan R., Matthews P. W.* Popular responses to city-text changes: street naming and the politics of practicality in a post-socialist martyr city // *Area*. 2016. Vol. 48. № 1. P. 92–102.
- David J.* Street Names — Between Ideology and Cultural Heritage // *Acta onomastica*. 2013. Vol. 54. P. 53–60.
- Drozdewski D.* Using history in the streetscape to affirm geopolitics of memory // *Political geography*. 2014. № 42. P. 66–78.
- Felcan O.* Borders and Ethnic Identities Reflected in Street Names from Transylvanian Localities // *Transylvanian Review*. 2015. Vol. 24. № 1 : Regionalization in Globalization. P. 229–244.
- Fuchs S.* History and heritage of two Midwestern towns: a toponymic-material approach // *Journal of Historical Geography*. 2015. Vol. 48. P. 11–25.
- Light D.* Street names in Bucharest, 1990–1997: exploring the modern historical geographies of post-socialist change // *Journal of Historical Geography*. 2004. Vol. 30. № 1. P. 154–172.
- Medway D., Warnaby G.* What’s in a name? Place branding and toponymic commodification // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2014. Vol. 46. P. 153–167.
- Mühlhäusler P., Nash J.* Signs of/on power, power on/of signs: language-based tourism, linguistic landscapes and onomastics on Norfolk Island // *People, Places, Perceptions and Power* / eds. G. Puzey, L. Kostanski. Clevedon : Multilingual Matters, 2016. P. 62–80.
- Murray J.* Politics and Place Names. Changing Names in the Late Soviet Period. Birmingham : University of Birmingham, 2000.
- Neethling B.* Street names: A Changing Urban Landscape // *The Oxford Handbook of Names and Naming* / eds. C. Hough, D. Izdebska. Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. P. 145–157.
- Odaloš P.* Vplyv pádu socializmu na názvy ulíc a námestí v Česko-Slovensku // *Wielkie miasto. Czynniki integrujące i dezintegrujące 2* / ed. D. Bieńkowska. Łódź : Uniw. Łodzki, 1995. S. 133–140.
- Odaloš P.* Urbanonymá v procese spoločenských zmien 90. rokov v európskych postsocialistických krajinách // *Urbanonymá v kontexte histórie a súčasnosti. Materiály z onomastického kolokvia (Banská Bystrica, 3–5 septembra 1996)* / ed. M. Majtán. Banská Bystrica ; Bratislava : UMB — JÚLEŠ SAV, 1996. S. 80–97.
- Peake L., Sheppard E.* The emergence of radical/critical geography within North America // *International E-Journal for Critical Geographies*. 2014. Vol. 13. № 2. P. 305–327.
- Rose-Redwood R.* Rethinking the Agenda of Political Toponymy Reuben Rose-Redwood // *International E-Journal for Critical Geographies*. 2011. Vol. 10. № 1. P. 34–41.
- Teusch A.* Names and Law // *The Oxford Handbook of Names and Naming* / eds. C. Hough, D. Izdebska. Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. P. 554–571.
- Vuolteenaho J., Anjala T.* Planning and Revamping Urban Toponymy: Ideological Alterations in the Linguistic Landscaping of Vuosaari Suburb, Eastern Helsinki // *Critical Toponymies: The Contested Politics of Place Naming* / eds. L. D. Berg, J. Vuolteenaho. Farnham, Burlington : Ashgate Publishing, 2009. P. 227–251.

Голомидова Марина Васильевна

доктор филологических наук,
профессор кафедры интегрированных
маркетинговых коммуникаций и брендинга
Уральский федеральный университет
620142, Екатеринбург, ул. Чапаева, 16,
комн. 416
E-mail: marinagolomidova@urfu.ru

Golomidova, Marina Vasilyevna

DrHab, Professor, Department of Branding
and Integrated Marketing Communications
Ural Federal University
16, Chapayeva Str., office 416
620142, Ekaterinburg, Russia
E-mail: marinagolomidova@urfu.ru

Marina V. Golomidova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

**TOPONYMIC POLICY IN NAMING CITY FACILITIES:
THEORETICAL AND APPLIED ISSUES**

The paper focuses on the issues of toponymic policy in relation to naming city places. The phenomenon of toponymic policy, per se, is a focal area of research in a multitude of humanities studies. However, the notion itself still requires theoretical and methodological clarification, and has not yet received a comprehensive reading. Nor is there a general understanding of methods and algorithms for the implementation of toponymic policies at the local level. The number of extensive comparative research on regional practices is also rather limited. The article attempts to comprehensively define the concept of “toponymic policy” and concludes that this is a complex activity which has specific aims depending on the spatial coordination function of toponyms. It is equally particular in terms of management, adoption rules, and practical implementation. In the abstract, toponymic policy is a set of legal, organizational, scholarly, methodical and media-related principles that build the rules for assigning names to urban places, as well as the norms for their use in business communication. In practical terms, toponymic policy is the very task of urban places naming, carried out by authorized legal entities. On the semantic side, toponymic policy also entails a humanistic, sociocultural component that connects it with linguistic, ethnic, cultural, ideological and other types of policies. The article highlights the role of strategic management in municipal toponymic policies, describes the principles of information sufficiency and openness in its implementation. It also presents examples of typical collisions in the contemporary practice of urban place naming.

Key words: toponym, urbanonym, toponymic policy, urbanonymic policy, local government bodies, toponymic commission, regulatory and legal frameworks of toponymic policy, principles of implementation of municipal toponymic policy.

Alderman, D. H. (2008). Place, Naming, and the Interpretation of Cultural Landscapes. In P. Howard, & B. Graham (Eds.), *Ashgate Research Companion to Heritage and Identity* (pp. 195–213). London: Ashgate Press.

Alderman, D. H., & Inwood, J. (2013). Street Naming and the Politics of Belonging: Spatial Injustices in the Toponymic Commemoration of Martin Luther King Jr. *Social & Cultural Geography*, 14, 211–233. <https://dx.doi.org/10.1080/14649365.2012.754488>

- Aleinikov, M. V. (2014). Onomasticheskie i toponimicheskie izmeneniia v sovremennom Kazakhstane kak proiavlenie politiki kazakhzitsii [Onomastic and Toponymic Changes in Modern Kazakhstan as a Manifestation of the Kazakh Politics]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 2(45), 369–372.
- Azaryahu, M. (1990). Renaming the Past: Changes in “City Text” in Germany and Austria, 1945–1947. *History and Memory*, 2(2), 32–53.
- Azaryahu, M. (1997). German reunification and the politics of street names: the case of East Berlin. *Political Geography*, 16(6), 479–493.
- Azaryahu, M. (2009). Street Names and Iconography. In R. Kitchin (Ed.), *International Encyclopedia of Human Geography* (pp. 460–465). London: Elsevier Ltd.
- Basik, S. N. (2018a). Kriticheskaia toponimika kak napravlenie geograficheskikh issledovani: problemy i perspektivy [Critical Toponymy as a Line of Geographical Research: Problems and Prospects]. *Geograficheskii vestnik*, 1(44), 56–63.
- Basik, S. N. (2018b). Kommodifikatsiia toponimii kak fenomen sotsial'no-ekonomicheskoi i kul'turnoi geografii [Commodification of Toponymy as a Phenomenon of Socio-Economic and Cultural Geography]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Estestvennye nauki*, 2, 59–70.
- Belikov, I. V., & Krysin, L. P. (2016). *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Iurait.
- Bukin, A. G., & Bukina, N. V. (2009). Kul'turno-simvol'naia politika Zabaikal'skogo kraia: kodirovanie smyslov [Cultural and Symbolic Policy of the Trans-Baikal Territory: the Coding of Meanings]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(56), 184.
- Creţan, R., & Matthews, P. W. (2016). Popular Responses to City-Text Changes: Street Naming and the Politics of Practicality in a Post-Socialist Martyr City. *Area*, 48(1), 92–102. <https://dx.doi.org/10.1111/area.12241>
- David, J. (2013). Street Names — Between Ideology and Cultural Heritage. *Acta onomastica*, 54, 53–60.
- Demyanov, K. V., & Ryzhenko, V. G. (2016). Omskaia toponimiiia v kontekste izuchenii kul'turnogo prostranstva rossiiskogo goroda [Omsk Toponymy in the Context of Studying the Cultural Space of a Russian City]. *Vestnik Omskogo universiteta. Istoricheskie nauki*, 4(12), 73–80.
- Drozdowski, D. (2014). Using History in the Streetscape to Affirm Geopolitics of Memory. *Political geography*, 42, 66–78. <https://dx.doi.org/10.1016/j.polgeo.2014.06.004>
- Felecan, O. (2015). Borders and Ethnic Identities Reflected in Street Names from Transylvanian Localities. *Transylvanian Review*, 24(1), 229–244.
- Fuchs, S. (2015). History and Heritage of Two Midwestern Towns: a Toponymic-Material Approach. *Journal of Historical Geography*, 48, 11–25. <https://dx.doi.org/10.1016/j.jhg.2015.01.003>
- Galaktionova, N. A. (2016). Sotsiokul'turnyi oblik regiona cherez prizmu toponimicheskoi politiki (keis Tiumeni i Naberezhnykh Chelnov) [Socio-Cultural Image of the Region through the Prism of Toponymic Policy (the Case of Tyumen and Naberezhnye Chelny)]. *Regionologiya*, 1(94), 152–163.
- Iankova, T. (2015, June 30). Zhiteli Esperanto-Nazarbaeva nachali “partizanskuiu voynu” [Residents of Esperanto-Nazarbayev Started the “Guerrilla War”]. *Vechniia Kazan'*. Retrieved from <http://www.evening-kazan.ru/articles/zhiteli-esperanto-nazarbaeva-nachali-partizanskuyu-voynu.html>.
- Konyratbaeva, Zh. M., & Tusupbekova, M. Zh. (2016). Tiurkskaia osnova protsessa toponimizatsii (na primere urbanimii Astany) [The Turkic Basis of the Toponymization Process (with Reference to Urbanonymy of Astana)]. In U. M. Bakhtikireeva, N. M. Dzhusupov, & S. V. Dmitriuk (Eds.), *Sovremennye problemy tiurkologii: Iazyk — Literatura — Kul'tura* [Contemporary Issues in Turkology: Language — Literature — Culture] (pp. 515–523). Moscow: Izd-vo RUDN.
- Kornev, I. N. (2014). Geografiia i toponimika v kontekste gumanitarnogo diskursa [Geography and Toponymy in the Context of Humanitarian Discourse]. *Geograficheskii vestnik*, 1, 41–45.
- Light, D. (2004). Street Names in Bucharest, 1990–1997: Exploring the Modern Historical Geographies of Post-socialist Change. *Journal of Historical Geography*, 30(1), 154–172.
- Medway, D., & Warnaby, G. (2014). What's in a Name? Place Branding and Toponymic Commodification. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 46, 153–167. <https://dx.doi.org/10.1068/a45571>

- Meskon, M., Albert, M., & Khedouri, F. (2016). *Osnovy menedzhmenta* [Fundamentals of Management]. Moscow: Wiliams. Retrieved from https://management-books.biz/teoriya-menedzhmenta_693/politika-17434.html.
- Mühlhäusler, P., & Nash, J. (2016). Signs of/on Power, Power on/of Signs: Language-Based Tourism, Linguistic Landscapes and Onomastics on Norfolk Island. In G. Puzey, & L. Kostanski (Eds.), *People, Places, Perceptions and Power* (pp. 62–80). Clevedon: Multilingual Matters.
- Murray, J. (2000). *Politics and Place Names. Changing Names in the Late Soviet Period*. Birmingham: University of Birmingham.
- Neethling, B. (2016). Street Names: A Changing Urban Landscape. In C. Hough, & D. Izdebska (Eds.), *The Oxford Handbook of Names and Naming* (pp. 145–157). Oxford: Oxford Univ. Press. <https://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199656431.013.50>
- Odaloš, P. (1995). Vplyv pádu socializmu na názvy ulíc a námestí v Česko-Slovensku [The Impact of the Fall of Socialism on the Names of Streets and Squares in the Czechoslovak Republic]. In D. Bienkowska (Ed.), *Wielkie miasto. Czynniki integrujące i dezintegrujące 2* [Big City. Integrating and Disintegrating Factors. 2] (pp. 133–140). Łódź: Uniw. Łódzki.
- Odaloš, P. (1996). Urbanonymy v procese spoločenských zmien 90. rokov v európskych postsocialistických krajinách [Urbanonyms in the Process of Social Change of the 1990s in European Post-Socialist Countries]. In M. Majtán (Ed.), *Urbanonymy v kontexte histórie a súčasnosti. Materiály z onomastického kolokvia (Banská Bystrica, 3–5 septembra 1996)* [Urbanonyms in the Context of History and Present. Proceedings the Onomastic Colloquium (Banská Bystrica, 3–5 September 1996)] (pp. 80–97). Banská Bystrica; Bratislava: UMB — JÚLŠ SAV.
- Peake, L., & Sheppard, E. (2014). The Emergence of Radical/Critical Geography within North America. *International E-Journal for Critical Geographies*, 13 (2), 305–327.
- Poliushkevich, O. A. (2017). Simvolicheskoe konstruirovani territorial'noi identichnosti (na primere toponimiki Irkutskaja) [Symbolic Construction of Territorial Identity (with Reference to Irkutsk Toponymy)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 11, 80–94.
- Rose-Redwood, R. (2011). Rethinking the Agenda of Political Toponymy Reuben Rose-Redwood. *International E-Journal for Critical Geographies*, 10, 1, 34–41.
- Sizova, E. A. (2004). *Lingvokul'turologicheskii analiz urbanonimov: na materiale angliiskogo, russkogo i frantsuzskogo iazykov* [Linguo-Cultural Analysis of Urbanonyms: on the Material of English, Russian and French Languages] (Doctoral dissertation). Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk.
- Teusch, A. (2016). Names and Law. In C. Hough, & D. Izdebska (Eds.), *The Oxford Handbook of Names and Naming* (pp. 554–571). Oxford: Oxford Univ. Press. <https://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199656431.013.62>
- Uspensky, B. A., & Lotman, Yu. M. (1996). Mif — imia — kul'tura [Myth — Name — Culture]. In B. A. Uspensky, *Izbrannye trudy* [Selected Works] (Vol. 1, pp. 298–319). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Vuolteenaho, J., & Ainiala, T. (2009). Planning and Revamping Urban Toponymy: Ideological Alterations in the Linguistic Landscaping of Vuosaari Suburb, Eastern Helsinki. In L. D. Berg, & J. Vuolteenaho (Eds.), *Critical Toponymies: The Contested Politics of Place Naming* (pp. 227–251). Farnham, Burlington: Ashgate Publishing.
- Zabelin, N. Yu. (2007). *Moskovskaia gorodskaja toponimiia: strukturno-semanticheskii analiz toponimicheskoi sistemy* [Moscow City Toponymy: Structural and Semantic Analysis of the Toponymic System] (Doctoral dissertation). Moscow State Linguistic University, Moscow.
- Zamyatin, D. N. (2003). *Gumanitarnaia geografiia: prostranstvo i iazyk geograficheskikh obrazov* [Human Geography: Space and Language of Geographical Images]. Saint Petersburg: Aleteia.
- Zamyatin, D. N. (2010). Gumanitarnaia geografiia: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeistvie sovremennykh humanitarnykh nauk [Human Geography: Space, Imagination, and Interaction of Contemporary Humanities Studies]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 9 (3), 26–50.